

*Библейско-богословская коллекция*  
**Серия «Вселенские соборы»**  
*Богословские исследования*

**Беляев А.А.**

**ОТЗЫВ  
НА СОЧИНЕНИЕ  
А.П. ЛЕБЕДЕВА  
«ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ  
IV И V ВЕКОВ»**

Чтения в Обществе любителей духовного просвещения,  
1879, III, с. 559-595

© Сканирование и создание электронного варианта:  
издательство «Аксион эстин» ([www.axion.org.ru](http://www.axion.org.ru)), 2009



*Аксион эстин*  
Санкт-Петербург  
2009

## Библиографія.

*Вселенскіе соборы 4 и 5 вѣ. Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направленіями школъ Александрійской и Антіохійской. А. Лебедева экстраординарнаго профессора Московскои духовной академіи. Москва. 1879 года ^).*

Съ такимъ заглавіемъ вышла недавно въ свѣтъ книга, принадлежащая перу профессора древней церковной исторіи въ Московской духовной академіи А. И. Лебедева. Это докторская его диссертация, которую онъ защищалъ съ большимъ искусствомъ и знаніемъ своего дѣла 24 апрѣля сего года. Это не первый серьезный трудъ профессора, хотя и молодого по годамъ и ученой службѣ, но уже извѣстнаго своими многочисленными учеными сочиненіями и почтеннаго по своему неутомимому трудолюбію. Въ послѣдніе годы уважаемый А. И. Лебедевъ постоянно печаталъ свои ученія, мелкія и крупныя статьи на страницахъ Московскихъ духовныхъ журналовъ и отчасти въ Русскомъ Вѣстникѣ. Нѣкоторыя изъ пространныхъ статей издааны имъ и въ видѣ цѣлыхъ книгъ. Кажется, къ числу лучшихъ изъ нихъ и наиболѣе ученыхъ принадлежитъ та книга, заглавіе которой мы выписали и о которой мы позволяемъ себѣ и желаемъ сказать нѣсколько словъ.

При первомъ взглядѣ на книгу, или, точнѣе, на заглавный листъ ея, читатель можетъ подумать, что книга по своему содержанію относится болѣе къ области догматики или исторіи догматовъ, нежели къ церковной исторіи. Но прочитавши книгу, или даже толь-

---

<sup>\*)</sup> Отъ редакціи. Помѣщая критическую статью А. Д. Бѣляева о книгѣ почтеннаго сотрудника нашего журнала А. И. Лебедева: „Вселенскіе соборы,“ редакція предоставляетъ послѣднему право войти въ объясненія по поводу этой статьи въ нашъ журналъ, если онъ, г. Лебедевъ, найдетъ это полезнымъ и желательнымъ.

ко часть ея, онъ приходитъ къ мысли, что эта книга есть сочиненіе историческое, что она относится къ тому отдѣлу церковной исторіи, который значится подъ рубрикой: церковное просвѣщеніе въ такіе-то вѣка.—Мы не будемъ распространяться о томъ, что эта книга ни мало не относится къ теоретической догматикѣ,—не относится потому, что въ ней догматъ не разсматривается по существу, что авторъ ея не анализируетъ внутренняго содержанія догматовъ, которыхъ онъ касается. Укажемъ примѣръ. Предметъ книги—догматическая дѣятельность первыхъ четырехъ Вселенскихъ соборовъ. Какъ извѣстно, результатомъ догматической дѣятельности перваго Вселенскаго собора былъ символъ Никейскій; второй Вселенскій соборъ оставилъ церкви символъ Константинопольскій; четвертый соборъ—вѣроопредѣленіе о двухъ естествахъ въ І. Христѣ и о соединеніи ихъ въ одномъ Лицѣ Богочеловѣка. Эти символы и это вѣроопредѣленіе составляютъ основаніе почти всей догматики. Они суть сокращенная и почти полная догматика, если ее разсматривать въ сущности, а не въ подробностяхъ и частностяхъ. Между тѣмъ авторъ книги, не смотря на первостепенное значеніе этихъ символовъ и этого вѣроопредѣленія, беретъ ихъ, какъ факты уже изслѣдованные и извѣстные, и не входитъ въ разсмотрѣніе ихъ содержанія и сущности. Явно, что книга проф. Лебедева не принадлежитъ къ области теоретической догматики.—Повидимому, съ большимъ правомъ она можетъ быть причислена къ исторіи догматовъ. Но; послѣ внимательнаго разсмотрѣнія, мы затруднились отнести ее къ этой наукѣ, съ которою, по нашему мнѣнію, она только соприкасается въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы проф. Лебедевъ изслѣдывалъ догматическую дѣятельность первыхъ четырехъ Вселенскихъ соборовъ какъ историкъ догматовъ, то мы вправѣ были-бы искать въ его книгѣ того, чего мы теперь въ ней не видимъ. Тогда онъ обязанъ былъ-бы изслѣдовать внутреннее развитіе богословско-догматической мысли въ церкви въ 4 и 5 вв. Напр., на немъ лежала-бы обязанность объяснить, почему символъ Никейскій былъ выраженъ въ такой, а не иной формѣ, почему онъ обнялъ такіе, а не другіе предметы изъ области догматики. А чтобы объяснить это, ему слѣдовало коснуться состоянія и развитія догматовъ въ періодъ, предшествовавшій первому Вселенскому собору ). Хотя отцы собора при составленіи

\*) Впрочемъ эта обязанность лежала на немъ и какъ на церковномъ исто-

его были руководствуемы Св. Духомъ; но Духъ Св. дѣйствовалъ не безъ нихъ, а въ нихъ и чрезъ нихъ. Въ свою очередь и отцы собора не случайно составили такой, а не иной символъ. Въ этомъ символѣ отобразилось ученіе всей Вселенской церкви. Ученіе же Вселенской церкви зарождается, раскрывается, утверждается и воплощается въ той или иной формѣ постепенно, при содѣйствіи самыхъ разнообразныхъ условій и факторовъ, подъ вліяніемъ законовъ развитія мысли и изслѣдованія истины.—Что нами сказано о символѣ Никейскомъ, тоже можно сказать и о символѣ Константинопольскомъ и о вѣроопредѣленіяхъ прочихъ соборовъ. Историкъ догматовъ долженъ не только указать и изслѣдовать условія раскрытія и формулированія догматовъ въ данный періодъ, не только изслѣдовать то, какъ догматъ, данный въ Откровеніи, постепенно раскрывается и со стороны объема, и со стороны качественного содержанія, и со стороны внѣшней формы въ сознаніи отдѣльныхъ членовъ церкви, а потомъ и во всей церкви; но онъ долженъ это изслѣдованіе и раскрытіе поставить на первый планъ, обратить на это все вниманіе. Что касается до проф. Лебедева, то хотя онъ и не уклоняется совсѣмъ отъ подобной задачи, но онъ затрогиваетъ ее стороной.—Мало занимаясь изслѣдованіемъ внутренняго развитія православно-догматическаго ученія, онъ мало интересуется и вопросомъ о происхожденіи, ростѣ и упадкѣ ересей, которыя, какъ извѣстно, съ отрицательной стороны, были могучими дѣятелями въ раскрытіи, утвержденіи и ясномъ и точномъ выраженіи догматическаго православнаго ученія,—которыя выдвигали и своеобразно рѣшали тѣ или другіе догматическіе вопросы, вызывали борьбу партій и давали православнымъ и поводъ и побужденіе къ изслѣдованію, уясненію и окончательному утвержденію и точному формулированію догматовъ. Мы не находимъ въ его книгѣ картины генетическаго развитія ересей. Вопросы о происхожденіи аріанства, о причинахъ широкаго его распространенія, объ условіяхъ его упадка: вопросы о возникновеніи несторіанства и монофизитства и многіе другіе, касающіеся генезиса ересей, суть капитальные

---

рикъ и жалко, что онъ отъ нея уклонился, — уклонился по трудности-ли такою изслѣдованія, или изъ опасенія зайти слишкомъ далеко въ раскрытіи отдѣла, предваряющаго изслѣдованіе главнаго предмета книги. Мы ничего не знаемъ о взглядахъ самаго автора на это дѣло, но во всякомъ случаѣ его книга начинается ex abrupto, она не имѣетъ начала

вопросы для историка догматовъ; а между тѣмъ проф. Лебедевъ иныхъ изъ этихъ вопросовъ совсѣмъ не затрагиваетъ и не поднимаетъ, а другихъ касается вскользь, между прочимъ. Очевидно, что въ его задачу и не входило поставить и рѣшить ихъ,—очевидно, что его книга мало относится къ исторіи догматовъ.—Она, какъ мы сказали, есть книга чисто историческая. Авторъ ея изслѣдуетъ не сущность догматовъ, утвержденныхъ на первыхъ четырехъ Вселенскихъ соборахъ, и не генетическое раскрытіе этихъ догматовъ во времени; точно также онъ не разсматриваетъ сущность и не анализируетъ процесса внутренняго развитія ересей, противоположныхъ православному ученію; по крайней мѣрѣ все это не составляетъ его главной задачи и не стоитъ у него на первомъ планѣ. Но за то онъ съ подробностями и довольно картинно изображаетъ ту *историческую обстановку*, при которой возникали и развивались ереси и въ противоположность ересямъ и въ борьбѣ противъ нихъ были раскрываемы и утверждаемы православные догматы. Онъ описываетъ живымъ, подчасъ образнымъ языкомъ, какъ для борьбы противъ ересей и для подавленія ихъ, для водворенія мира въ церкви, для обращенія на путь истины заблуждающихся, для уясненія и утвержденія догматовъ писались сочиненія, открывались и завязывались взаимныя сношенія между близкими и отдаленными церквами и между ихъ предстоятелями, собирались соборы, какъ дѣйствовали члены этихъ соборовъ и проч. Онъ рисуетъ предъ нами яркими красками картину церковно-исторической жизни 4 и 5 вв., точнѣе, одну сторону этой жизни. Какъ описательный историкъ, онъ очень хорошъ. Краткимъ и сильнымъ языкомъ описываетъ онъ процессъ церковно-исторической жизни, живыми и выпуклыми чертами обрисовываетъ характеры лицъ, картинно изображаетъ событія. Лица съ ихъ разнообразными взглядами, стремленіями и дѣятельностію, событія въ ихъ взаимодѣйствіи и разнообразныхъ сплетеніяхъ, партій то борющіяся, то примиряющіяся другъ съ другомъ—все это проф. Лебедевъ изображаетъ съ такимъ мастерствомъ, что читатель какъ-бы самъ присутствуетъ при процессѣ изображаемой имъ жизни; лица, партіи, событія проходятъ предъ нимъ, какъ живыя. За это читатель не можетъ не воздать чести и благодарности автору книги. Но намъ показалось, что проф. Лебедевъ и самъ мало заглядываетъ и читателя не вводитъ въ самую глубь лабораторіи, въ которой совершался унѣманутый процессъ церковно-исторической жизни взятаго

имъ періода, что онъ больше изображаетъ внѣшнія проявленія этой жизни, нежели указываетъ внутреннія ея пружины, что, однимъ словомъ, онъ описываетъ процессъ жизни съ внѣшней стороны и только изрѣдка и какъ-бы случайно заглядываетъ во внутренніе тайники ея. Мы не хотимъ этимъ сказать, что его книга поверхностна или безсодержательна; напротивъ, она глубоко-мысленна и изобилуетъ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ. Но можетъ быть авторъ ея слишкомъ твердо помнилъ русскую пословицу: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Въ разсматриваемой книгѣ онъ является хорошимъ церковнымъ историкомъ, но мы не видимъ въ немъ догматиста и историка догматовъ.

Опредѣливши научную область, къ которой относится книга проф. Лебедева, мы тѣмъ самымъ отчасти опредѣлили для себя кругозоръ, въ предѣлахъ котораго мы будемъ ее разсматривать.— Не считаемъ за нужное излагать содержаніе этой книги, потому что оно подробно и довольно точно передано авторомъ на особомъ заглавномъ листѣ. Гораздо полезнѣе и нужнѣе указать точку зрѣнія автора на предметъ его книги: эта точка опредѣляла и планъ изслѣдованія, и объемъ его, и границы, и внутреннее содержаніе; руководимый ею, авторъ шелъ въ своемъ изслѣдованіи тѣмъ, а не инымъ путемъ, поставилъ себѣ ту, а не другую задачу; изъ лежаваго ему обширнаго и разнообразнаго матеріала бралъ то, а не другое. Эта общая точка зрѣнія автора или общая руководящая мысль его довольно оригинальна. Онъ задается мыслию объяснить догматическіе споры 4 и 5 вв. и догматическую дѣятельность Вселенскихъ соборовъ за этотъ періодъ изъ характера и взаимоотношенія двухъ главныхъ и противоположныхъ по духу направленій богословской мысли въ древней церкви—Александрійскаго и Антиохійскаго, исходившихъ изъ двухъ ученыхъ школъ того-же имени. Эта мысль, подобно путеводной нити, проходитъ чрезъ все его сочиненіе отъ начала до конца. Съ различныхъ сторонъ и въ разныхъ мѣстахъ книги характеризуетъ онъ эти двѣ школы, эти два направленія богословской мысли и сторонниковъ ихъ. Напр., онъ не разъ указываетъ на то, какъ приверженцы той и другой школы смотрѣли на жгучій въ то время вопросъ объ отношеніи вѣры къ знанію, Откровенія и вселенско церковной истины къ разуму и мнѣніямъ. По воззрѣнію автора, александрійцы выше всего ставили авторитетъ вѣры и соборныхъ вѣроопре-

дѣленій и постоянно и настойчиво возставали противъ мысли о возможности измѣнять или даже только пополнять послѣднія; разумъ же человѣческой они считали слишкомъ слабымъ для изслѣдованія тайнъ Божественной вѣры. Совѣтъ иначе, по мнѣнію автора, думали объ этомъ антиохійцы \*): для нихъ тайнъ вѣры какъ-бы не существовало; они стремились все изслѣдовать, все объяснить и непостижимое сдѣлать доступнымъ и понятнымъ; они до крайности возвышали значеніе разума въ богословіи и полагали, что церковныя вѣроопредѣленія можно и должно пересматривать, изслѣдывать, пополнять и даже измѣнять, если того требуютъ обстоятельства и нужды времени.—Впрочемъ авторъ разсматриваетъ двѣ богословскія школы не съ этой только одной стороны, но дѣлаетъ и общую ихъ характеристику. По его мнѣнію, александрійцы отличались выпренностію, созерцательностію въ мышленіи; между тѣмъ какъ характерными особенностями антиохійцевъ были разсудочность, строгій и точный анализъ. Но авторъ не ограничивается тѣмъ, что даетъ теоретическую характеристику Александрійской и Антиохійской школъ въ общемъ и въ частностяхъ. Онъ описываетъ и характеризуетъ ихъ въ самой ихъ дѣятельности, показывая, какъ характерныя черты той или другой школы отпечатлѣлись на самыхъ историческихъ фактахъ, сказались въ историческихъ событіяхъ и въ воззрѣніяхъ и дѣятельности представителей этихъ школъ. Доказательствомъ этого служить почти вся книга, и потому мы не станемъ приводить отдѣльныхъ мѣстъ изъ нея. Такимъ образомъ характеристика этихъ школъ не приурочена къ одному мѣсту въ книгѣ, а разбѣяна по разнымъ мѣстамъ ея. Такъ, напр., объ отношеніи антиохійцевъ и александрійцевъ къ вопросу о вѣрѣ и знаніи говорится мѣстахъ въ четырехъ, если не больше. Черезъ это характеристика школъ много теряетъ въ цѣлостности, сосредоточенности и единствѣ; но за то она столько же выигрываетъ въ живости, наглядности, истинности. Это характе-

---

\*) По терминологіи автора, „александрійцы“—это сторонники Александрійской школы и Александрійскаго богословскаго направленія; „антиохійцы“—сторонники Антиохійской школы и связаннаго съ нею характера богословствованія. Центромъ для первыхъ служила Александрія; для вторыхъ—Антиохія. Къ Александріи по духу примыкали церкви или области: Римская, Иерусалимская или Палестинская, Илирійская. Около Антиохіи группировались: Константинополь, Сирія, Фракія, Малая Азія, Понть.

ристика фактическая, историческая. Авторъ въ этомъ, какъ и въ прочемъ, не измѣняетъ себѣ, являясь богословомъ-историкомъ, а не богословомъ-теоретикомъ. Излагая исторію, описывая событія, проф. Лебедевъ въ то-же время показываетъ, какимъ образомъ на нихъ и въ нихъ отразилось вліяніе одного или обоихъ богословскихъ направленій—Антіохійскаго и Александрійскаго. Скажемъ болѣе: онъ самыя событія характеризуетъ и оцѣниваетъ именно съ тѣхъ сторонъ, въ которыхъ сказалось вліяніе того или другаго изъ этихъ направленій; онъ часто подбираетъ именно такіе факты, которые подтверждаютъ его взглядъ на значеніе этихъ направленій богословской мысли для событій времени, на ихъ историческую роль, на ихъ характеръ и сущность. Характеристика этихъ двухъ направленій въ томъ видѣ, какъ ихъ понялъ авторъ, даетъ освѣщеніе содержанію всей его книги, и къ нимъ, какъ къ объединяющимъ центрамъ, привязаны и приурочены описанія событій и лицъ, съ ними въ болѣе или менѣе тѣсной, посредственной или непосредственной, связи находится все содержаніе книги. Оно не только группируется около нихъ, но оно было и подобрано, расположено, изложено и освѣщено сообразно со сложившимся у автора воззрѣніемъ на эти направленія и на ихъ отношеніе къ церковно-исторической жизни 4 и 5 вв. Конечно такой подборъ и разборъ фактовъ согласно сложившемуся напередъ взгляду на дѣло нерѣдко ведетъ изслѣдователей на ложный путь, сообщаетъ сочиненіямъ односторонность, а авторовъ ихъ лишаетъ безпристрастія. Но если принять во вниманіе обширную ученость и начитанность автора разсматриваемой книги во взятой имъ области науки, то читатель не напрасно будетъ надѣяться, что воззрѣніе проф. Лебедева на предметъ его книги сложилось у него послѣ долговременнаго, старательнаго и внимательнаго изученія историческаго матеріала, что оно не есть какое нибудь предзанятое, не основанное на твердой почвѣ обширнаго и научнаго изслѣдованія фактовъ, мнѣніе, что оно не есть предзанятая, хотя и оригинальная и блестящая по виду, но не истинная, не доказанная мысль или гипотеза, а есть зрѣлое убѣжденіе, твердо-обоснованное положеніе. Оправдываетъ ли книга эту надежду читателя? вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ укажемъ на главныя событія, въ которыхъ, по мнѣнію автора, наиболѣе отразилось вліяніе того или другаго богословскаго направленія съ характерными чертами каждаго изъ нихъ.

Начиная свою книгу исторіей перваго Вселенскаго собора, проф.

Лебедевъ естественно долженъ былъ войти въ изслѣдованіе арианства, которому онъ дѣйствительно удѣляетъ значительную часть книги. Онъ полагаетъ, что арианство зародилось въ Антиохійской школѣ и распространилось въ областяхъ Антиохійскаго округа. Поэтому, думаетъ онъ, первый Вселенскій соборъ, какъ противоарианскій, былъ составленъ подъ вліяніемъ школы Александрійской, и важнѣйшій результатъ догматической дѣятельности этого собора—символь Никейскій—былъ охотно принятъ и защищаемъ александрійцами, между тѣмъ какъ антиохійцы очень долго его не признавали и составляли свои символы въ духѣ арианства. Такимъ образомъ, по мнѣнію проф. Лебедева, арианство нашло опору въ Антиохійской школѣ,—оно вышло изъ нея и распространилось именно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ господствовало Антиохійское богословское направленіе; тогда какъ противоарианское, православное ученіе, сущность котораго нашла свое выраженіе въ Никейскомъ символѣ, было принято, сохранено, раскрыто и утверждено сторонниками Александрійской школы, изъ которыхъ ревностію по православію и долготѣней неустанной борьбой противъ арианства особенно отличался Аѳанасій Великій, бывшій въ 4 в. самымъ крупнымъ представителемъ православнаго и Александрійскаго богословствованія, и вмѣстѣ сильнымъ и непобѣдимымъ врагомъ арианства.—Затѣмъ, переходя къ исторіи втораго Вселенскаго собора, проф. Лебедевъ полагаетъ, что этотъ соборъ дѣйствовалъ подъ исключительнымъ вліяніемъ антиохійцевъ; главный же представитель на этомъ соборѣ Александрійскаго направленія, Григорій Богословъ, не сошелся въ образѣ мыслей и убѣжденіяхъ со многими дѣятелями этого собора и удалился съ него. Вліяніемъ Антиохійскаго направленія на дѣятельность втораго Вселенскаго собора авторъ объясняетъ то обстоятельство, что символъ этого собора былъ будто бы принятъ преимущественно въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ процвѣтало Антиохійское богословствованіе, между тѣмъ какъ Александрійская и единомысленныя съ нею церкви протестовали противъ составленія новаго символа, кромѣ Никейскаго, и долго будто-бы не принимали новосоставленнаго символа Константинопольскаго, пользуясь символомъ Никейскимъ и считая его вполне достаточнымъ для православной вѣры.—Третій Вселенскій соборъ, по мнѣнію проф. Лебедева, былъ созданъ и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ александрійцевъ; а осужденное этимъ соборомъ несторіанство зародилось и нашло себѣ поддержку тамъ-же, гдѣ и арианство,

т. е., среди антиохійствующихъ. Такимъ образомъ выходитъ параллель, на которую авторъ и указываетъ,—параллель между первымъ и третьимъ Вселенскими соборами, между ересью и спорами арианскими и несторіанскими. Именно, какъ на дѣятельности перваго Вселенскаго собора отразилось вліяніе alexandрійцевъ, а антиохійцы потерпѣли тамъ пораженіе; такъ тоже самое было и на третьемъ Вселенскомъ соборѣ. Какъ арианство гнѣздилося въ средѣ антиохійцевъ, а alexandрійцы въ 4 в. стояли за православіе и ратовали противъ арианства; такъ и въ вѣкъ споровъ несторіанскихъ несторіанство поддерживалось антиохійцами, а противниками его и защитниками православія были alexandрійцы.—Какъ на первомъ Вселенскомъ соборѣ, такъ и на третьемъ, обозначилась рѣзкая разность между антиохійцами и alexandрійцами, тогда какъ на второмъ Вселенскомъ соборѣ, по мысли автора, они нѣсколько, хотя и не вполне сблизились. Впрочемъ, по мнѣнію его, очень скоро послѣ третьяго Вселенскаго собора, уже въ 433 г. Антиохійцы и alexandрійцы сближаются другъ съ другомъ чрезъ взаимныя уступки и составляютъ такъ называемую унію, основаніемъ для которой послужило уніонное исповѣданіе Іоанна архіепископа антиохійскаго къ Кириллу Александрійскому и сторонники которой составляли общество истинно-православныхъ. Антиохійцы, принимая унію, отказывались отъ крайностей своей школы, выразившихся въ то время въ несторіанской ереси; въ свою очередь главный представитель alexandрійцевъ, Кириллъ, ради сближенія съ своими прежними врагами-антиохійцами, пересталъ чуждаться терминовъ, исключительно принадлежавшихъ антиохійской догматикѣ, началъ избѣгать выраженій, смущавшихъ антиохійцевъ и старался яснѣе раскрыть и точнѣе выразить свое ученіе о двухъ естествахъ, неизреченно соединившихся въ І. Христѣ въ одно лице. Впрочемъ унія соединила не всѣхъ: крайніе антиохійцы и крайніе alexandрійцы не приняли ея, и чрезъ то отпали отъ церкви и отъ истины православія;—первые остались несторіанами, а послѣдніе скоро дошли до новой, противоположной несторіанству, ереси,—сдѣлались монофизитами. Унія торжествовала свою побѣду на помѣстномъ Константинопольскомъ соборѣ, въ 448 г. Но здѣсь же заявили себя враги уніи, враги православія,—это крайніе alexandрійцы, монофизиты. Весьма скоро, уже въ слѣдующемъ 449 г., на разбойничьемъ соборѣ монофизиты взяли насильственный перевѣсъ надъ православіемъ, которому на короткое время угрожала

опасность. Однако православіе восторжествовало очень скоро, чему много способствовало то обстоятельство, что Римская церковь, прежде постоянно дѣйствовавшая за одно съ Александріей, теперь по нѣкоторымъ причинамъ въ лицѣ своего главы, св. Льва папы, рѣшительно стала на сторонѣ Антиохіи и Константинополя, т. е. на сторонѣ враговъ монофизитства и александрійцевъ. Вопреки проiscaмъ монофизитовъ былъ созванъ четвертый Вселенскій соборъ въ Халкидонѣ. На немъ сначала было рѣшительное раздѣленіе между антиохійствующими, которые защищали православіе, и александрійствующими, т. е., сторонниками монофизитской ереси. Но вскорѣ многіе изъ послѣднихъ перешли на сторону православныхъ; партія монофизитская ослабѣла и распалась; православіе послѣ многихъ пререканій и затрудненій, восторжествовало и выразило свой вселенскій голосъ въ вѣроопредѣленіи этого собора. На Халкидонскомъ соборѣ, полагаетъ профессоръ Лебедевъ, окончательно сгладилась рознь между антиохійцами и александрійцами. крайности того и другаго направленія были устранены, оба они взаимно себя дополнили и слились въ одно русло общецерковнаго богословствованія, которое осталось въ церкви и до настоящаго времени. Напр., неумолкаемый споръ между антиохійцами и александрійцами по вопросу объ отношеніи вѣры къ знанію окончательно будто-бы былъ рѣшенъ на Халкидонскомъ соборѣ въ благопріятномъ для православія и для богословской науки смыслѣ. Въ основаніе самаго вѣроопредѣленія Халкидонскаго, по мнѣнію автора книги, легло уніонное посланіе Іоанна, архіепископа Антиохійскаго, къ Кириллу Александрійскому.—Принимая во вниманіе такое великое значеніе Халкидонскаго собора для православія и богословской науки, авторъ чрезвычайно возвеличиваетъ этотъ соборъ, по отношенію къ которому дѣятельность предшествовавшихъ соборовъ была какъ будто-бы подготовленіемъ, а дѣятельность послѣдующихъ соборовъ — неизбѣжнымъ слѣдствіемъ и заключеніемъ. Такимъ образомъ Халкидонскій соборъ является центральнымъ въ числѣ прочихъ Вселенскихъ соборовъ, и поэтому авторъ книги не считаетъ даже нужнымъ прослѣдить дѣятельность трехъ послѣднихъ Вселенскихъ соборовъ и, заключая свою книгу исторіей четвертаго Вселенскаго собора, повидимому, признаетъ свое изслѣдованіе совершенно законченнымъ и цѣлостнымъ.

Это обзрѣніе главныхъ моментовъ изслѣдованія проф. Лебедева показываетъ, что вліяніе на догматическую дѣятельность церкви

переходило отъ одной школы къ другой, отъ александрійцевъ къ антиохійцамъ и наоборотъ, пока наконецъ оба эти направленія не слились въ одно общецерковное ученіе чрезъ взаимныя уступки и посредствомъ устраненія крайностей, изъ которыхъ образовались ереси: въ средѣ антиохійцевъ — аріанская и несторіанская, между александрійцами — еutihianская или монофизитская. Такъ, первый Вселенскій соборъ былъ такъ сказать дѣломъ александрійцевъ; второй—антиохійцевъ по преимуществу; на третьемъ Вселенскомъ соборѣ вліяніе опять перешло къ александрійцамъ; въ промежуткѣ между третьимъ и четвертымъ Вселенскими соборами готовилось соединеніе александрійцевъ и антиохійцевъ, которое будто бы окончательно и установилось на четвертомъ Вселенскомъ Халкидонскомъ соборѣ. Впрочемъ, нѣкоторыя мѣста книги (напр. на стр. 271) показываютъ, что, по мнѣнію автора ея, преимущественное вліяніе на дѣла на соборѣ Халкидонскомъ принадлежало антиохійцамъ. между тѣмъ какъ александрійцы только пристали къ нимъ, да и то не сразу, неохотно, послѣ долгихъ колебаній и даже прямого сопротивленія, и притомъ не всѣ. Вотъ главные моменты въ которыхъ раскрывается идея книги.

Нужно отдать справедливость и честь автору ея, что главная идея его книги, его общее воззрѣніе на значеніе двухъ школъ сообщаетъ ей характеръ научности. Книга его есть ученое сочиненіе не потому только, что авторъ ея всесторонне изучилъ литературу своего предмета и снабдилъ свою книгу многочисленными и разнообразными цитатами и выписками изъ произведеній древнихъ и новыхъ; но она научна и серьезна еще болѣе тѣмъ, что все многообразное содержаніе ея проникнуто, связано и объединено одной идеей, именно, упомянутымъ воззрѣніемъ автора на историческую роль двухъ богословскихъ школъ—Александрійской и Антиохійской, какая имъ выпала на долю по отношенію къ догматической дѣятельности церкви въ 4 и 5 вѣкахъ; и это воззрѣніе обосновано и доказано многочисленными историческими фактами и утонченными теоретическими соображеніями. Далѣе, это воззрѣніе сообщаетъ его книгѣ оригинальность, особенно если мѣриломъ оцѣнки ея брать русскую литературу. Она оригинальна и по изложенію, и по содержанію, и по постановкѣ предмета, и по плану его изслѣдованія. Но мы погрѣшили бы противъ истины, если бы только и дѣлали, что хвалили автора книги; мы не подражали бы ему въ научной строгости, если бы не потрудились провѣрить, согласно

ли его воззрѣніе на значеніе двухъ школъ для догматической дѣятельности въ церкви въ 4 и 5 вѣкахъ съ дѣйствительностію, и насколько оно состоятельно само въ себѣ, и въ какой мѣрѣ тверды приводимыя въ пользу его доказательства. Дѣйствительно, съ одной стороны книга проф. Лебедева страдаетъ нѣкоторыми недостатками именно въ научномъ отношеніи; а съ другой стороны оригинальность воззрѣній автора ея, составляя ея высокое достоинство, послужила причиной многихъ недостатковъ.

Прежде всего книга его, какъ намъ кажется, не имѣетъ начала, о чемъ мы уже замѣчали. Она изображаетъ догматическую дѣятельность въ церкви въ извѣстный періодъ ея жизни. Главными и постоянными дѣятелями, участниками и двигателями этой жизни книга представляетъ двѣ богословскія школы—Александрійскую и Антиохійскую. На изображаемой въ книгѣ церковно-исторической картинѣ постоянно фигурируютъ въ различныхъ видахъ и положеніяхъ то та, то другая школа, то обѣ онѣ вмѣстѣ. Онѣ какъ бы волшебнымъ жезломъ приводятъ все въ движеніе и на все оказываютъ свое вліяніе. Допустимъ вмѣстѣ съ авторомъ, что вліяніе ихъ дѣйствительно было велико и могущественно. Въ такомъ случаѣ сдѣловало бы во введеніи, которое въ книгѣ совсѣмъ отсутствуетъ, вѣроятно по недостатку матеріала для него, кратко, но обстоятельно сказать о происхожденіи этихъ двухъ чудесныхъ по своему значенію школъ и сдѣлать общую ихъ характеристику, опредѣлить ихъ сущность. Это опущеніе тѣмъ болѣе странно, что авторъ по своей специальности не догматистъ, а церковный историкъ: для догматиста можетъ быть было-бы не легко рѣшить вопросъ о происхожденіи этихъ школъ и сказать о нихъ самихъ полно и въ тоже время кратко; для специалиста же по древней церковной исторіи это ничего не стоило. Между тѣмъ сдѣлать это требовалъ самый характеръ книги, какъ исторической по преимуществу, и въ особенности этого требовало великое значеніе этихъ школъ для описываемыхъ авторомъ событій, которое онъ придаетъ этимъ школамъ. Теперь же эти послѣднія являются чудесными не только по своему могущественному вліянію, которое онѣ будто бы оказывали на жизнь и событія времени; но еще и потому, что предъ глазами удивленнаго читателя онѣ являютъ неизвѣстно откуда, совсѣмъ для него неожиданно, какъ снѣгъ на голову, какъ будто бы онѣ вызываются какимъ то волшебникомъ и дѣйствуютъ по его мановенію. Указываемое опущеніе имѣло своимъ

слѣдствіемъ то, что первая глава, а слѣдовательно и вся книга начинается какъ то вдругъ, ex abrupto. Между тѣмъ краткое изслѣдованіе о происхожденіи двухъ школъ, дѣйствующихъ во все время и во всѣхъ событіяхъ, описываемыхъ книгою, могло послужить прекраснымъ, умѣстнымъ и даже необходимымъ вступленіемъ къ книгѣ.

Впрочемъ отсутствіе въ книгѣ начала, или вступленія еще неважно въ сравненіи съ другимъ недостаткомъ. Намъ кажется, что проф. Лебедевъ, оставивши не изслѣдованнымъ вопросъ о происхожденіи двухъ школъ, вслѣдствіе этого не изслѣдовалъ и вопроса о происхожденіи аріанства, вопроса столь важнаго въ его книгѣ; а отсюда и его взглядъ на аріанство и на отношеніе этой ереси къ Антиохійской и Александрійской школамъ не советмъ правиленъ. Онъ полагаетъ и утверждаетъ, что «одной изъ опоръ аріанства» (стр. 43) была Антиохійская школа и что Александрійское богословское направленіе было противоположно аріанству и выразило свою оппозицію ему на первомъ Вселенскомъ соборѣ и въ ближайшія за тѣмъ десятилѣтія. Но какія же доказательства этого? Между прочимъ онъ подтверждаетъ сродство аріанства съ Антиохійской школой тѣмъ, что учителя Антиохійской школы, какъ и аріане, держались однихъ и тѣхъ же принциповъ, что тѣ и другіе, напр., ясность пониманія въ догматикѣ предпочитали бозвышенности въ богослѣствованіи, мыслили слишкомъ разсудочно, были рационалистами (43 стр.). Прекрасно. Но зачѣмъ авторъ или умалчиваетъ о многихъ фактахъ или не придаетъ имъ надлежащаго значенія, о фактахъ, которые указываютъ на сродство аріанства именно съ Александріей? Не заслуживаетъ ли онъ самъ въ нѣкоторой мѣрѣ того упрека, который онъ дѣлаетъ Мёлеру, говоря: вотъ «образчикъ историковъ, которые, какъ скоро встрѣчаются съ двумя или болѣе, разногласящими документами по одному и тому же вопросу, пользуются тѣмъ, что нравится, и оставляютъ безъ вниманія, что не нравится» (примѣч. на 21 стр.). Какіе же это факты? Мы не будемъ много распространяться о томъ, что аріане считали, и не безъ основанія, своимъ главой Оригена, жившаго, учившаго и дѣйствовавшаго въ Александріи въ 3 вѣкѣ, т. е. относительно не задолго до перваго Вселенскаго собора, а обширность и громадность вліянія Оригена всѣмъ извѣстны, и конечно это вліяніе не кончилось съ его смертію. Но мы не можемъ не обратить вниманія на то, что аріанство первоначально

возникло и обнаружилось не въ Антиохіи, а въ Александріи. Правда, сродство арианства съ Антиохіей и ея школой проф. Лебедевъ обстоятельно и подробно доказываетъ тѣмъ, что арианство распространилось въ Антиохіи и около нея; между тѣмъ какъ въ Александріи будто бы было постоянное противодѣйствіе арианству и здѣсь будто бы арианства совсѣмъ не было. Мы согласны съ тѣмъ, что арианство дѣйствительно было сильно въ Антиохіи и около лежащихъ странахъ. Но этимъ фактомъ еще нельзя доказать сродства арианства съ Антиохійской школой и противоположности его съ Александрійскимъ богословствованіемъ. По словамъ св. Аѳанасія, и въ Египтѣ, который сначала былъ православнымъ, при императорѣ Констанціи повсемѣстно проповѣдывалось арианство. Ранѣе же эта ересь не распространялась тамъ можетъ быть вслѣдствіе противодѣйствія ему такого великаго, преданнаго всей душой православію, уважаемаго всѣми и особенно своей паствой и неутомимаго въ борьбѣ противъ ереси, какимъ былъ Аѳанасій Великій. По словамъ Василія Великаго, онъ былъ «общимъ всѣхъ главой, единственнымъ истиннымъ врачомъ церковныхъ недуговъ, онъ спасалъ церковь отъ этой страшной непогоды», какою было арианство и доставилъ торжество вѣрѣ Никейской. Но если Аѳанасій защищалъ и спасъ отъ арианства всю церковь; то еще могущественнѣе было его вліяніе на его собственную Александрійскую церковь, которую онъ управлялъ непосредственно, которой предъ нимъ благоговѣла. Приведемъ объ этомъ слѣдующія слова самого проф. Лебедева: «голосъ Аѳанасія сильный, рѣшительный, и его дѣятельность производили могущественнѣйшее вліяніе на всю церковь Александрійско-египетскую» (36 стр.). Кромѣ дѣятельности Аѳанасія и политическія обстоятельства долго препятствовали распространенію въ Александріи арианства. Какъ бы то ни было, но нельзя сказать, чтобы въ Александріи совсѣмъ не было арианской ереси, которая разлилась по всей вообще церкви. Конечно проф. Лебедевъ можетъ намъ возразить, что дѣятельность Аѳанасія и его ревность по православію условливались отчасти характеромъ самой страны, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ, и что въ арианствующей Антиохіи не могла даже явиться подобная личность. Но противъ этого мы можемъ указать на такихъ великихъ ревнителей православія и борцовъ противъ арианства, каковы были Василій Великій и стчасти Григорій Богословъ. Новое доказательство сродства арианства съ Александріей мы находимъ въ замѣча-

тельномъ сходствѣ этой ереси съ неоплатонизмомъ, который процвѣталъ въ Александріи. Какъ въ неоплатонизмѣ, такъ и въ арианствѣ истинно-сущимъ, настоящимъ такъ сказать Божествомъ, признавалось одно существо—въ арианствѣ Богъ Отецъ, у неоплатониковъ Сущее, τὸ ὄν. Затѣмъ Сынъ Божій, по арианскому ученію неравный Богу Отцу, низшій въ сравненіи съ Нимъ, не истинный Богъ, созданный Богомъ Отцемъ предъ сотвореніемъ міра и употребленный Имъ какъ орудіе для сотворенія міра, очень напоминаетъ неоплатоническаго диміурга, или втораго, низшаго бога, происшедшаго изъ единаго сущаго и произведшаго міръ. Подобное Аріевой ереси ученіе о трехъ неравныхъ между собою богахъ, изъ которыхъ только одинъ есть главный и истинный Богъ, а прочіе два бога подчинены ему, такое ученіе принадлежало еще Платону. По этому нѣкоторые изъ учителей церкви не безъоснованія Платона называли предтечею Арія. Это мнѣніе раздѣляетъ Высокопреосвященный Макарій митрополитъ Московскій <sup>1)</sup>, при чемъ онъ ссылается на сочиненіе Кирилла Александрійскаго «adversus Julianum» Lib 1. Баумгартенъ-Крузіусъ <sup>2)</sup>, говоря, что арианскіе споры нельзя считать дѣломъ личнымъ или случайнымъ и что зародышъ ихъ необходимо заключается въ догматическомъ развитіи, въ прогрессивномъ движеніи мысли церкви, прибавляетъ, что подобное арианскому различеніе въ божествѣ второстепеннаго принципа (δεύτερος Θεός) отъ главнаго было у нехристіанскихъ платониковъ. Наконецъ очень сходное съ арианскимъ воззрѣніе на второстепеннаго бога или на диміурга было у гностиковъ, и притомъ у гностиковъ именно Александрійскихъ, а не Сирійскихъ. Изъ окружнаго посланія епископа Александрійскаго Александра видно, что аріане учили, что Сынъ Божій сотворенъ Богомъ Отцемъ какъ орудіе для созданія всѣхъ вещей, всего міра, и что Сынъ Божій ниже Бога Отца. То же самое говорили и Александрійскіе гностики. Вотъ факты, указывающіе на сродство арианства съ Александріей и ея философій и богословіемъ. Пусть арианство съ особенной силой распространилось въ Антиохіи, но зародилось оно, кажется, въ Александріи. Если же проф. Лебедевъ держится иного взгляда, то ему слѣдовало объяснить упомянутые факты и опровергнуть суще-

<sup>1)</sup> Православно-догматическое богословіе Изд. 2. т. I стр. 270. См текстъ и примѣч.

<sup>2)</sup> Compendium der christlichen Dogmengeschichte. § 44

ствующее мнѣніе о сродствѣ, по происхожденію и по сущности арианства съ платонической и неоплатонической философій и съ Александрійскимъ гнозисомъ.

Въ связи съ неправильнымъ, по нашему мнѣнію, взглядомъ проф. Лебедева на происхожденіе арианства и на причины его распространенія въ тѣхъ, а не другихъ областяхъ церкви стоятъ и его воззрѣніе на распространеніе Никейскаго символа въ Александрію и на Западѣ, и на противодѣйствіе этому символу Востока, за исключеніемъ Александрии. По его мнѣнію, «возвышенно-спекулятивный, характеръ высренній идеализмъ, любовь къ трансцендентальному мышленію и склонность постигать возвышенные вопросы, болѣе внутреннимъ чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ, отличавшія школу Александрійскую, способствовали укорененію въ Александрію «высренней догмы Никейской» (стр. 34), т. е. ученія православнаго, противоаріанскаго. Но какъ при этомъ объяснить то, что за одно съ Александріей постоянно держалась высренней догмы Никейской и ратовала противъ арианства Римская и вообще Западная церковь, какъ доказываетъ это и самъ авторъ на 37 и 38 стр?— Какъ объяснить это, когда Римъ еще отъ древнихъ предковъ унаслѣдовалъ практическую разсудочность, неспособность и отвращенію къ высреннему философствованію и богословствованію, и занимался вопросами практическими? Съ другой стороны какъ понять, что философствующему эллинскому Востоку, кромѣ одной Александрии, высренняя догма Никейская будто-бы не понравилась? Вообще едва-ли можно высренности Никейскаго символа придавать значеніе причины, по которой онъ былъ принятъ въ Александрію и не признанъ въ Антиохію. Высренность—это чисто формальная сторона мышленія и его произведеній; она можетъ уживаться съ самыми различными по содержанію и духу ученіями. Напр., строгая логичность, здравомысліе и разсудочность Василія Великаго достаточно извѣстны, и поэтому, умозаключаемъ, какъ профессоръ Лебедевъ, высренняя догма Никейская не могла ему нравиться; а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ Василій Великій былъ ревностнымъ защитникомъ Никейскаго символа и неутомимымъ борцемъ противъ разсудочныхъ аріанскихъ софизмовъ. Съ другой стороны кто отличался большею высренностію, возвышенностію и идеализмомъ въ богословствованіи, нежели Оригенъ? Между тѣмъ самъ же проф. Лебедевъ утверждаетъ (9 и 10 стр.), что полуаріанскіе богословы во главѣ съ Евсеіемъ Кесарійскимъ «находились подъ вліяніемъ

идей Оригена, жаркимъ почитателемъ котораго былъ Евсевій.» Кроме того историкъ Сократъ говоритъ и притомъ не о полуаріанахъ, а объ аріанахъ вообще, что они считали Оригена своимъ главой. И дѣйствительно, Оригену, многое заимствовавшему изъ Платоновой философіи, не чуждо было представленіе о неравенствѣ трехъ Лиць Св. Троицы, о подчиненномъ отношеніи Сына къ Отцу, Духа Св. къ Отцу и Сыну, — не чуждъ былъ такъ называемый субординатизмъ въ ученіи о Св. Троицѣ. Этотъ субординатизмъ аріане выразили только съ большею смѣлостію и рѣзкостію, т. е. они пошли гораздо дальше въ развитіи Оригенова ученія. Это обычное явленіе, что ложное мнѣніе переходитъ чрезъ развитіе въ ересь, легкое и едва замѣтное заблужденіе становится мало-по-малу упорнымъ и явнымъ лжеученіемъ. Въ виду несомнѣннаго сродства аріанства съ нѣкоторыми мыслями Оригена теряютъ силу слова проф. Лебедева на 40 стр., что привязанность Василія Великаго, Григорія Богослова и Григорія Нисскаго къ Никейскому ученію условливалась отчасти тѣмъ, что они были воспитаны въ принципахъ Александрійской школы и ревностно изучали представителя ея, Оригена.

Не обсуждавши вопроса о происхожденіи двухъ школъ, проф. Лебедевъ допускаетъ нѣкоторыя несообразности при раскрытіи дѣятельности и вліянія этихъ школъ на событія времени. Такъ, напр., по его мнѣнію, символъ Константинопольскій былъ составленъ подъ вліяніемъ антиохійскаго направленія (119—145 стр.); тогда какъ защитники неизмѣнности Никейскаго символа, вооружавшіеся противъ самой мысли о возможности составлять новые символы, каковы были александрійцы, потеряли на второмъ Вселенскомъ соборѣ поражение, и глава ихъ, знаменитый Григорій Богословъ, разошелся съ соборомъ по вопросу о составленіи новаго символа настолько, что вынужденъ былъ удалиться съ собора. На указанныхъ страницахъ проф. Лебедевъ приводитъ доказательства того, что символъ Константинопольскій былъ составленъ подъ вліяніемъ антиохійцевъ. Но къ сожалѣнію онъ не выясняетъ, какимъ образомъ могло это случиться. Описываемое имъ теченіе историческихъ событій и жизни, повидимому, должно было привести или къ побѣдѣ александрійцевъ надъ антиохійцами, или къ полному соглашенію тѣхъ и другихъ на соборѣ, съ преобладаніемъ притомъ александрійцевъ надъ антиохійцами, но отнюдь не наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, ко времени втораго Вселенскаго собора аріанство

начало разлагаться, ослабѣвать, а вмѣстѣ съ тѣмъ православіе конечно усиливалось и взяло рѣшительный перевѣсъ надъ этою, нѣкогда страшною по своей распространенности и могуществу, ересью. Никейскій символъ, какъ противояріанскій, всюду былъ принятъ и утвердился. Такимъ образомъ ко времени втораго Вселенскаго собора александрійцы въ дѣлахъ вѣры были рѣшительными побѣдителями, а антиохійцы—побѣжденными, съ точки зрѣнія автора; такъ какъ, по его мнѣнію, начиная съ перваго Вселенскаго собора держались православія и были защитниками Никейскаго символа именно александрійцы, антиохійцы же этого символа не принимали и были заражены духомъ аріанства. Если же александрійцы взяли верхъ на Никейскомъ соборѣ, когда они были тѣснимы многочисленными и сильными въ то время антиохійствующими или аріанами; то еще болѣе обезпечено было первенство ихъ на Константинопольскомъ соборѣ, когда аріанство доживало свои послѣдніе дни, а слѣдовательно и державшіеся однихъ съ нимъ принциповъ антиохійцы должны были присмирѣть. Однако, по воззрѣнію автора, на Константинопольскомъ соборѣ оказывается совсѣмъ иное отношеніе между александрійцами и антиохійцами: первые борются противъ антиохійцевъ, но вынуждаются уступить имъ первенство. Какимъ образомъ могло произойти такое неожиданное для читателя взаимоотношеніе между александрійцами и антиохійцами, этого авторъ не объясняетъ.

Дальнѣйшія наши замѣчанія будутъ касаться исторіи Халкидонскаго, четвертаго Вселенскаго собора. Мы укажемъ двѣ стороны этой исторіи, которыя, по нашему мнѣнію, освѣщены проф. Лебедевымъ не совсѣмъ согласно съ дѣйствительностію. Съ одной стороны онъ слишкомъ умалываетъ значеніе посланія Льва въ дѣлѣ составленія Халкидонскаго соборнаго вѣроопредѣленія; съ другой стороны онъ слишкомъ преувеличиваетъ историческое значеніе самаго Халкидонскаго собора.

Установившееся въ наукѣ мнѣніе, что Халкидонское вѣроопредѣленіе состоялось подъ сильнымъ и исключительнымъ вліяніемъ посланія Льва, онъ называетъ ошибочнымъ. Мы готовы благодарить его за то, что онъ въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не хочетъ идти избитымъ другими путемъ, имѣетъ свой оригинальный взглядъ на дѣло. Но если онъ не пожелалъ въ данномъ случаѣ слѣдовать такимъ авторитетамъ въ церковной исторіи и въ частности въ исторіи соборовъ, каковы Неандеръ, Гефеле,

Бауръ, то все-таки авторитетность ихъ мнѣнія, принятаго притомъ наукой, требовала отъ него строгой провѣрки и всесторонняго обсуждения своего мнѣнія, несогласнаго съ ихъ голосомъ. Приведенныя имъ въ пользу своего мнѣнія соображенія и доказательства не довольно вѣски, и кромѣ того, онъ не отстранилъ и не объяснилъ противорѣчащихъ ему фактовъ. Мнѣніе его состоитъ въ томъ, что «унія больше всего оказала вліянія не только на характеръ, но и на букву вѣроопредѣленія, что начальныя слова вѣроопредѣленія до словъ: *Господа, Единороднаго* включительно, суть почти буквальное повтореніе извѣстнаго уніоннаго исповѣданія Іоанна Антиохійскаго; тогда какъ съ посланіемъ Льва вѣроопредѣленіе не имѣетъ сходства въ выраженіяхъ, послѣднее имѣетъ съ первымъ сродство только въ духѣ» (267—8 стр.). Дѣйствительно начальныя слова Халкидонскаго вѣроопредѣленія очень сходны съ уніоннымъ исповѣданіемъ Іоанна Антиохійскаго, однако не до буквальной точности. Поэтому и нельзя утверждать, что начальныя слова вѣроопредѣленія были заимствованы изъ этого исповѣданія. Несходство по буквѣ, конечно, не колебало бы мнѣнія профессора Лебедева, если-бы начальныя мысли Халкидонскаго вѣроопредѣленія раньше нигдѣ не встрѣчались, кромѣ исповѣданія Іоанна. Но вотъ этого-то и нельзя сказать. Мысли эти мы находимъ въ сочиненіяхъ св. Льва паны, а также въ сочиненіяхъ Кирилла Александрійскаго, отчасти даже у Григорія Богослова и у Амвросія Медиоланскаго, отрывки изъ которыхъ были читаны на самомъ соборѣ. Далѣе несходство по буквѣ не подрывало бы мнѣнія профессора Лебедева, если бы уніонное исповѣданіе Іоанна было читано на соборѣ, или если бы соборъ относился къ этому исповѣданію и къ автору его съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ; но соборныя дѣянія не говорятъ намъ объ этомъ. Исповѣданіе Іоанна, если не ошибаемся, на соборѣ читано не было; а о самомъ Іоаннѣ упоминается только въ рѣчи, которая была обращена отъ лица собора къ императору Маркіану предъ закрытіемъ собора. Но въ этой рѣчи имя Іоанна упоминается на ряду со многими другими великими отцами церкви и ему не отдается никакого особеннаго предпочтенія предъ прочими великими мужами. И такъ, нѣтъ твердаго основанія предполагать, что начальныя слова Халкидонскаго вѣроопредѣленія были заимствованы именно изъ уніоннаго исповѣданія Іоанна Антиохійскаго. Напротивъ, то обстоятельство, что на соборѣ во всеуслышаніе были читаны изрѣченія касательно сое-

диненія двухъ природъ въ одномъ Лицѣ Иисуса Христа св. Льва, Кирилла, Григорія Богослова, Златоуста, Амвросія, заставляетъ предполагать, что первая половина Халкидонскаго вѣроопредѣленія была составлена на основаніи мыслей этихъ великихъ мужей, и въ особенности первыхъ двухъ изъ нихъ, о которыхъ соборъ постоянно отзывался съ величайшимъ уваженіемъ какъ о непреерекаемыхъ авторитетахъ въ ученіи вѣры. Относительно второй, и притомъ важнѣйшей и наиболѣе характерной по содержанию и выраженіямъ части Халкидонскаго вѣроопредѣленія, профессоръ Лебедевъ самъ затрудняется сказать что-либо положительное. «Словъ вѣроопредѣленія: *въ двухъ естествахъ неслитно, нераздѣльно познаваемого*, мы, говоритъ онъ, напрасно стали бы искать въ извѣстномъ посланіи Льва. Первый эти выраженія употребилъ (съ небольшою разницей) Іоаннъ Антохіійскій и прочіе Антіохійскіе епископы во время третьяго Вселенскаго собора, за ними повторяетъ ихъ Кириллъ. Во время Халкидонскаго собора эти термины встрѣчаемъ въ грамотѣ епископовъ Иллирійскихъ, съ которою эти послѣдніе обратились къ собору для убѣжденія отцевъ въ томъ, что они иллирійцы, приняли наконецъ посланіе Льва. Какое вліяніе посланіе Льва или легаты имѣли на усвоеніе этими епископами сказанныхъ терминовъ, мы не знаемъ. Скорѣе всего происхожденіе этихъ терминовъ въ вѣроопредѣленіи Халкидонскомъ нужно приписать епископамъ уніоннаго характера. Ибо фраза очевидно носитъ уніонный характеръ: сліяніе къ одному двухъ богословскихъ воззрѣній Александрійскаго и Антіохійскаго (*несліянно* съ одной стороны, *нераздѣльно* съ другой). Остальные слова вѣроопредѣленія, намъ неизвѣстно, откуда взяты соборомъ. Нужно утверждать, что они принадлежатъ мысли самого собора. Итакъ, заключаетъ авторъ приводимыхъ словъ, существенное вліяніе посланія Льва на вѣроопредѣленіе халкидонское намъ представляется вещью не строго научной» (268 стр.). Итакъ, имѣемъ право заключать мы съ своей стороны, почти вся аргументація автора касательно уніоннаго происхожденія упомянутыхъ терминовъ вѣроопредѣленія сводится къ фразѣ: «скорѣе всего», а это предположительное скорѣе всего основывается также на предположеніи, что слово «несліянно» могло принадлежать антіохійцамъ, а слово «нераздѣльно» — александрійцамъ. Тверды-ли подобныя доказательства? Не слишкомъ-ли они схоластичны и вмѣстѣ провольны? И что за фраза: епископы уніоннаго характера? Она крайне неопредѣленна. Кто эти еписко-

пы? Если не ошибаемся, это епископы православные, по воззрѣнію автора. Въ такомъ случаѣ къ нимъ можно причислить и папу Льва, которому они однако какъ-бы противопоставляются въ рѣчи автора. Не приводя положительныхъ доказательствъ въ пользу уніоннаго происхожденія терминовъ второй половины Халкидонскаго вѣроопредѣленія, авторъ и противоположное мнѣніе о вліяніи посланія Льва на составъ второй половины Халкидонскаго вѣроопредѣленія просто только отрицаетъ, безъ всякихъ доказательствъ. Онъ, наприм., заявляетъ, что ему неизвѣстно, какое вліяніе посланіе Льва или легаты имѣли на усвоеніе илирійскими епископами терминовъ: «неслитно, нераздѣльно». Между тѣмъ сколько фактовъ изъ исторіи собора говорить въ пользу опровергаемаго имъ мнѣнія! То правда, что въ посланіи Льва мы не найдемъ словъ: «въ двухъ естествахъ неслитно, нераздѣльно познаваемаго». Но съ другой стороны только за четыре страницы выше самъ онъ приводитъ слѣдующія слова императорскихъ сановниковъ. «Св. Левъ говоритъ, что въ Христѣ два естества соединены неслитно, неизмѣнно и нераздѣльно». И соборъ не призналъ этихъ словъ непринадлежащими Льву, а напротивъ единодушно воскликнулъ: «какъ Левъ вѣруемъ, противорѣчаціе еutihianисты. Левъ изложилъ православно» (264 стр.). Замѣтимъ притомъ, что ранѣе этого заявленія сановниковъ на соборѣ были нескончаемые споры, что составленное соборомъ вѣроопредѣленіе не всѣми было принято, что императоръ въ указѣ собору угрожалъ закрыть соборъ, если епископы не согласятся пересмотрѣть вѣроопредѣленіе <sup>1)</sup>, что не смотря даже на столь строгій указъ, «дѣло не подвигалось впередъ и трудно было ожидать мира и единенія со стороны спорившихъ». По понятію автора, это произошло именно оттого, что въ вѣроопредѣленіи «мало было принято во вниманіе посланіе Льва, встрѣчались формулы, любимыя александрійцами *изъ двухъ естествъ*» (263 стр.). Итакъ самъ авторъ сознается, что вѣроопредѣленіе было составлено не вполне удовлетворительно и что отсюда произошли на соборѣ несогласія, грозившія разстроить все дѣло собора, именно вслѣдствіе того, что соборъ «мало принялъ во вниманіе посланіе Льва». Даже болѣе, послѣ упомянутаго заявленія сановниковъ и вопроса ихъ: кому слѣдуете Льву, или Діоско-

<sup>1)</sup> Первоначально составленное вѣроопредѣленіе было потомъ на соборѣ нѣсколько измѣнено.

ру? Соборъ вдругъ явился единомысленнымъ, всѣ согласились съ ученіемъ Льва, всѣ признали его истинно православнымъ, и стоявшіе дотолѣ за неизмѣненіе вѣроопредѣленія отказались, отъ смущавшаго соборъ термина «изъ двухъ» <sup>1)</sup>, внесеннаго въ вѣроопредѣленіе. Все это слова «самого профессора Лебедева, который даже восклицаетъ: «во мгновеніе забыли (т. е. отцы собора) всѣ споры, свары. Великая историческая минута!» (264 стр.). Замѣчательны и дальнѣйшія слова его, замѣчательныя въ смыслѣ доказательсва того мнѣнія, которое онъ опровергаетъ. «Изъ приведенныхъ словъ сановниковъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ, что въ вѣроопредѣленіи не дано было мѣста очень важнымъ въ догматическомъ отношеніи реченіямъ: *несліянно, неизмѣнно, нераздѣльно*. Какъ скоро отцы отказались отъ смущавшей умы формулы «изъ двухъ» и выразили желаніе строго сообразоваться съ воззрѣніями Льва, сановники воспользовались этой благопріятной минутой и предложили собору прибавить въ вѣроопредѣленіи мысль Льва, что во Христѣ два естества неизмѣнно, неразлучно и неслитно соединились» (264 стр.). Можно-ли лучше доказать мнѣніе, что если не одно посланіе Льва, то по крайней мѣрѣ вообще ученіе этого великаго отца церкви имѣло большое вліяніе на составъ Халкидонскаго вѣроопредѣленія? И не противорѣчатъ-ли сейчасъ приведеннымъ словамъ автора изъ 264 слова его на 268 стр. о томъ, что происхожденіе въ Халкидонскомъ вѣроопредѣленіи терминовъ *неслитно, нераздѣльно* пужно приписать епископамъ уніоннаго характера и что ему ничего неизвѣстно о вліяніи посланія Льва и легатовъ на усвоеніе и Илирійскими епископами этихъ терминовъ? Кромѣ того не самъ-ли онъ ранѣе говоритъ, что «отцы, занимавшіе лѣвую сторону собора (это были православные, т. е. тѣ, которые именно и составили Халкидонское вѣроопредѣленіе), стояли подѣ вліяніемъ тѣхъ мыслей, какія высказаны были наюю Львомъ Великимъ въ окружномъ посланіи къ собору разбойническому. Посланіе это легло въ основу воззрѣній, отличавшихъ теперь лѣвую сторону собора. Въ рядахъ лѣвой партіи мы незамѣчаемъ во все теченіе собора ни малѣйшихъ сомнѣній, колебаній касательно высокаго достоинства посланія Льва, о которомъ мы говоримъ» (239.). Но если посланіе Льва легло въ основу воззрѣній православной стороны со-

1) Т. е. что Иисусъ Христосъ слагается изъ двухъ естествъ въ одно.

бора, то слѣдовательно оно же легло и въ основу Халкидонскаго вѣроопредѣленія; вѣроопредѣленіе было результатомъ этихъ воззрѣній; нѣтъ нималѣйшаго основанія предполагать, что православные отцы собора въ вѣроопредѣленіи сказали не то, что они думали и чему вѣрили. Есть и другіе факты, указаніе на которые мы находимъ въ самой же разбираемой нами книгѣ и которые подтверждаютъ, что посланіе Льва имѣло вліяніе на составъ Халкидонскаго вѣроопредѣленія. Такъ, напр., по поводу того обстоятельства, что важныя термины въ вѣроопредѣленіи: «иселитно, нераздѣльно», встрѣчаются въ граматѣ епископовъ Иллирійскихъ, авторъ, замѣчаетъ, что онъ не знаетъ, какое вліяніе имѣли посланіе Льва или легаты на усвоеніе этими епископами упомянутыхъ терминовъ (268 стр.) Намъ же кажется, что это вліяніе очевидно уже изъ той цѣли, съ которою Иллирійскіе епископы представляли грамату собору: граматсю они желали убѣдить соборъ, что и они наконецъ приняли посланіе Льва, которое прежде не казалось имъ православнымъ. Но они не достигли бы этой цѣли, если бы не внесли въ грамату характерныхъ словъ или мыслей изъ посланія Льва или вообще изъ сочиненій этого папы; между тѣмъ цѣль граматы была достигнута. Такимъ образомъ вліяніе ученія Льва и въ особенности его посланія на составъ и содержаніе граматы епископовъ Иллирійскихъ несомнѣнно. Далѣе, заглавіе рѣчи оратора, обращавшагося отъ лица собора къ императору, показываетъ, какое великое значеніе въ глазахъ отцевъ собора имѣло посланіе Льва. Достопримѣчательны съ этой стороны слѣдующія слова заглавія: «Рѣчь о томъ, что... Левъ, не нововводя что нибудь противное вѣрѣ Никейской, написалъ посланіе къ Флавіану». Затѣмъ высокое уваженіе отцевъ собора къ посланію Льва обнаруживается изъ самаго содержанія рѣчи. Наконецъ Халкидонское вѣроопредѣленіе по существу своему есть антимонофизитское; таково же и посланіе Льва. Это признаетъ и самъ авторъ, говоря, что въ посланіи Льва «съ такою осязательною ясностію изложено ученіе о полнотѣ двухъ природъ во Христѣ» (257). Это же подтверждается многими фактами. Такъ епископы Иллирика и Палестины, по образу мыслей примыкавшіе къ александрійцамъ, заподозрѣвали посланіе Льва въ несторіанствѣ, т. е. въ ереси противоположной монофизитству (251—2 стр.). Египетскіе епископы не приняли посланія Льва подъ тѣмъ предлогомъ, что «если они подпишутъ посланіе Льва, то имъ не миновать

смерти на ихъ родинѣ» (253 стр.). Послѣ собора монофизиты перетолковали нѣкоторыя выраженія Льва и на основаніи извращенныхъ выраженій обозвали Халкидонскій соборъ несторіанскимъ. Очевидно, они оставили бы посланіе Льва въ покоѣ, если бы не было всеобщаго убѣжденія въ томъ, что посланіе Льва сходно съ Халкидонскимъ вѣроопредѣленіемъ и что первое имѣло вліяніе на составъ послѣдняго. Еще фактъ. Умертвивши Александрійскаго архіепископа Протерія, монофизиты осудили соборъ Халкидонскій и проклинали посланіе Льва. Явно, что они ставили это посланіе въ тѣсную связь съ соборомъ Халкидонскимъ и его вѣроопредѣленіемъ и считали это посланіе настолько важнымъ, что признали за нужное проклинать его на ряду съ самимъ соборомъ. Вотъ факты, убѣждающіе насъ въ томъ, что посланіе св. Льва папы Римскаго имѣло большое вліяніе на составъ Халкидонскаго вѣроопредѣленія.

Не имѣя возможности согласиться съ мнѣніемъ профессора Лебедева объ отношеніи посланія Льва къ Халкидонскому вѣроопредѣленію, мы вынуждены также разойтись и со взглядомъ его на значеніе Халкидонскаго четвертаго Вселенскаго собора. По нашему крайнему разумѣнію, онъ слишкомъ преувеличиваетъ значеніе этого собора, какъ въ сравненіи съ прочими соборами, такъ и безотносительно къ нимъ, — въ отношеніи къ богословской наукѣ вообще.

Говоря о томъ, что послѣдующіе Вселенскіе соборы были продолженіемъ и необходимымъ слѣдствіемъ собора Халкидонскаго и доканчивали его дѣло, что, слѣдовательно, изученіе ихъ не представляетъ особенной важности, если уже изученъ четвертый Вселенскій соборъ, авторъ какъ бы оправдываетъ себя въ томъ, что онъ изслѣдовалъ исторію только четырехъ, а не всѣхъ семи вселенскихъ соборовъ. Мы согласны съ нимъ въ томъ, что послѣдующіе соборы, въ особенности шестой Вселенскій стояли въ значительной зависимости отъ вѣроопредѣленія собора Халкидонскаго, что напр. шестой Вселенскій соборъ развивалъ и доканчивалъ то, что положено было, какъ основаніе, на четвертомъ Вселенскомъ соборѣ; но это не даетъ ни малѣйшаго права слишкомъ возвышать значеніе четвертаго Вселенскаго собора. Истина всегда раскрывается постепенно, и всегда предъидущіе моменты ея развитія служатъ сѣменемъ, изъ котораго съ необходимостію и послѣдовательно развиваются послѣдующіе моменты ея, а за ними съ тою же постепенностію и необходимостію обнаруживаются даль-

нѣйшія фазы ея развитія и т. д. Притомъ предъидущіе моменты въ раскрытіи истины, служа основаніемъ для проявленія послѣдующихъ, сами въ свою очередь составляютъ порожденіе предшествовавшаго имъ процесса раскрытія истины; такъ что трудно сказать, что въ подобномъ, длинномъ иногда процессѣ составляетъ основное и главное и что второстепенное и относительно неважное. Это разсужденіе вполнѣ примѣнимо къ оцѣнкѣ четвертаго Вселенскаго собора. Пусть онъ послужилъ основаніемъ для догматическаго вѣроопредѣленія шестаго Вселенскаго собора; но его собственное вѣроопредѣленіе было результатомъ дѣятельности предъидущихъ соборовъ. Раскрытый и утвержденный па немъ догматъ о двухъ естествахъ въ Иисусѣ Христѣ и объ ихъ взаимномъ отношеніи былъ еще ранѣе разсматриваемъ на третьемъ вселенскомъ соборѣ. Мало того: *implicite* этотъ догматъ заключался уже въ словахъ символа Константинопольскаго: *воплотившаюся отъ Духа Св. и Маріи Дѣвы, и воочеловѣчившаюся*; а для этихъ словъ прецедентъ былъ въ словахъ Никейскаго символа: *воплотившаюся, воочеловѣчившаюся*. Вообще вся дѣятельность четвертаго Вселенскаго собора, его вѣроопредѣленіе были подготовлены цѣлымъ предшествовавшимъ періодомъ догматической дѣятельности въ церкви. О лицѣ Богочеловѣка разсуждали аріане, полуаріане, аполлинаристы, несторіане, наконецъ монофизиты, а ранѣе всѣхъ ихъ Павелъ Самосатскій, Савеллій и другіе. Въ борьбѣ противъ этихъ еретиковъ православные также издавна занимались вопросомъ о Божествѣ Иисуса Христа и Его челоуѣчествѣ и вообще о Лицѣ Богочеловѣка; и ученіе объ этомъ предметѣ разсматривалось не на однихъ только Вселенскихъ соборахъ, но заключалось въ частныхъ символахъ и богословскихъ сочиненіяхъ разныхъ отцевъ; такъ напр. упомянутыя слова символа Константинопольскаго заключаются и въ такъ называемомъ символѣ апостольскомъ, который былъ въ употребленіи въ Западной церкви. Такимъ образомъ результаты дѣятельности Халкидонскаго собора постепенно и издавна были подготовляемы борьбой противъ различныхъ ересей, символами, ученіемъ отцевъ, помѣстными и Вселенскими соборами. Халкидонскій соборъ не представляетъ чего либо особеннаго и исключительнаго въ исторіи церкви или въ исторіи догматики. Онъ важенъ, но не болѣе многихъ другихъ Вселенскихъ соборовъ Онъ представляетъ, сознаемся, важное звено въ цѣпи непрерывнаго развитія христіанскоѣ православной догматики; но это звено не

есть какое-нибудь особенное, далеко выходящее изъ ряда прочихъ, не есть ничто центральное. Иначе смотритъ на этотъ соборъ профессоръ Лебедевъ. Въ примѣчаніи къ 279 стр. своего труда онъ приводитъ слѣдующія слова Scharrer'a изъ докторской диссертациі этого писателя о Халкидонскомъ соборѣ: «полемика, какая поднимается противъ этого собора въ нашемъ столѣтіи, доказываетъ, что его господство не прекратилось. Халкидонскій соборъ вотъ уже полторы тысячи лѣтъ пользовался и пользуется вліяніемъ и значеніемъ, и въ этомъ заключается указаніе, что онъ представляетъ собой моментъ истины непреходящаго свойства». Вѣроятно профессоръ Лебедевъ забылъ, что писатели диссертациій всегда преувеличиваютъ значеніе предмета этихъ послѣднихъ. Предполагаемъ, что Шапперъ не составляетъ исключенія изъ этого правила. Въ частности приведенныя изъ диссертациі Шаппера слова не имѣютъ силы для доказательства мысли профессора Лебедева о великомъ значеніи Халкидонскаго собора. Шапперъ говоритъ объ этомъ соборѣ, что онъ представляетъ собою моментъ истины непреходящаго свойства; такъ какъ онъ-де пользуется вліяніемъ и значеніемъ полторы тысячи лѣтъ. За одно съ нимъ и профессоръ Лебедевъ говоритъ, «что вѣра Халкидонскаго собора стала вѣрой всего міра христіанскаго до сего дня» (279 стр.). Все это правда, но все это не представляетъ достаточнаго основанія для того, чтобы возвеличить Халкидонскій соборъ сравнительно съ прочими Вселенскими соборами. Въдъ тоже самое можно сказать и о первомъ Вселенскомъ соборѣ, и о второмъ, и о прочихъ. Символь Константинопольскій развѣ не читается теперь ежедневно въ храмахъ всего православнаго міра? Развѣ онъ не служитъ знаменемъ православія и православныхъ до сего дня? Развѣ о немъ нельзя сказать, что онъ представляетъ моментъ истины непреходящаго свойства? Развѣ устранены и забыты, какъ недостаточныя и ненужныя, дагматическія истины, возвѣщенныя и утвержденныя для христіанскаго міра на каждомъ изъ семи Вселенскихъ соборовъ? Въ этомъ Халкидонскій соборъ не преимуществуетъ предъ прочими Вселенскими соборами. Что касается до полемики, какая поднята противъ Халкидонскаго собора въ текущемъ столѣтіи; то она отнюдь не свидѣтельствуетъ о какомъ-нибудь исключительномъ значеніи этого собора въ сравненіи съ прочими соборами. Причина ея, по нашему мнѣнію, совсѣмъ иная. Главный, центральный пунктъ въ христіанской догматикѣ, противъ котораго направлены и сосре-

доточены въ настоящемъ столѣтіи нападенія враговъ христіанства, есть лице и дѣло Богочеловѣка. Главные вожаки этихъ враговъ Штраусъ, Ренаиъ и другіе стремились доказать, что Иисусъ Христосъ есть простой человѣкъ, а не Богочеловѣкъ. Естественно, что при подобныхъ напакахъ на лице Богочеловѣка нельзя было не нападать на Халкидонскій соборъ, который рѣшительно утвердилъ ученіе о соединеніи въ одномъ Лицѣ Иисуса Христа Божеской природы съ природой человѣческой. Однимъ словомъ, съ какой стороны мы не посмотримъ на дѣло, все-таки оказывается труднымъ доказать, будто Халкидонскій соборъ имѣетъ преимущественное и особенное значеніе въ сравненіи съ прочими Вселенскими соборами. Скажемъ болѣе. Если уже нужно сравнивать Вселенскіе соборы по ихъ значенію и важности, то первенство въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отдать первому Вселенскому собору. Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи данныхъ самой разбираемой книги, нельзя не признать перваго Вселенскаго собора болѣе важнымъ и великимъ, нежели четвертый Вселенскій соборъ. На первомъ Вселенскомъ соборѣ было осуждено и нипровергнуто аріанство; на четвертомъ монофизитство. Но аріанство для православія было гораздо опаснѣе монофизитства. Аріанство разлилось по всей церкви, отторгло отъ церкви болѣе половины ея членовъ; а монофизитство было распространено только въ одномъ Египтѣ. Аріане господствовали во многихъ странахъ православнаго Востока и жестоко гнали православныхъ въ продолженіи полстолѣтія: тогда какъ монофизиты праздновали свою мнимую побѣду на разбойничьемъ соборѣ самое короткое время; а послѣ хотя они и долго и сильно волновали церковь, но не всю, а только одну область ея. Даже великіе и твердые въ вѣрѣ вожди православія, каковы Василій Великій и Аѳанасій Александрійскій не скрывали, какая опасность угрожала православнымъ со стороны аріанъ въ ихъ время; между тѣмъ во времена монофизитства хотя нѣкоторые ревнители православія и были подвергнуты мученіямъ, но это продолжалось короткое время, и мы не слышимъ толосовъ современниковъ, которые-бы взывали, что православіе въ серьезной опасности. Наконецъ аріанство было опаснѣе монофизитства и съ той стороны, что внутренніе принципы его были тверже принципа монофизитскаго. Хотя обѣ эти ереси коренились въ непониманіи христіанскаго ученія во всей его глубинѣ и силѣ; однако аріанство твердую опору для себя находило въ идеѣ строгаго, свободнаго отъ

всякой множественности, монотеизма, который былъ проповѣданъ въ Ветхомъ Заветѣ, и послѣдователей котораго и теперь насчитываютъ до 180 м.; монофизитство-же держалось почти что на однихъ недоразумѣніяхъ,—для, него напр., нельзя найти основаній въ Св. Писаніи,—а потому оно и не распространилось такъ сильно и широко, какъ аrianство.—Далѣе, первый Вселенскій соборъ важнѣе четвертаго и по результату своей дѣятельности. Символь этого собора хотя теперь и не употребляется въ церкви, но онъ послужилъ основаніемъ для символа Константинопольскаго, большая и важнѣйшая половина котораго составляетъ почти буквальное повтореніе символа Никейскаго. Если проф. Лебедевъ говоритъ, что «вѣроопредѣленіе Халкидонское легло въ основу возрѣній дальнѣйшихъ Вселенскихъ соборовъ» (стр. 278) и что оно «въ дальнѣйшемъ теченіи церкви высказываетъ свое дѣйствіе при рѣшеніи важнѣйшихъ догматическихъ вопросовъ» (стр. 279); то еще съ большимъ правомъ можно сказать это о первомъ Вселенскомъ соборѣ и его символѣ. На символѣ Никейскомъ, какъ твердо основаніи, созидали православное ученіе всѣ послѣдующіе соборы, не исключая и самаго собора Халкидонскаго. Халкидонскій соборъ засвидѣтельствовалъ о великомъ значеніи символа Никейскаго устами оратора, говорившаго рѣчь императору Маркіану отъ лица собора. Этотъ, неизвѣстный по имени, ораторъ, разсмотрѣвши содержаніе символа Никейскаго, сказалъ, что вѣроопредѣленія послѣдующихъ соборовъ заключались уже въ Никейскомъ символѣ *implicite* и что Халкидонскій соборъ не иное уложеніе вѣры вводитъ для исповѣданія, а возстановляетъ то, что враги злонамѣренно искажали. Да и не одинъ Халкидонскій соборъ, и прочіе соборы, а также и отцы церкви говорили о Никейскомъ символѣ, какъ неизмѣнномъ правилѣ вѣры, отзывались о немъ съ величайшимъ уваженіемъ и, согласіе съ нимъ своего ученія считали критеріемъ истинности сего послѣдняго. Если символъ Никейскій и былъ неполонъ и потому былъ добавленъ вѣроопредѣленіями послѣдующихъ соборовъ, то нужно принять во вниманіе то, что онъ былъ первымъ общецерковнымъ Вселенскимъ вѣроопредѣленіемъ (если не считать вѣроопредѣленія апостольскаго собора); поэтому задача перваго Вселенскаго собора была труднѣе дѣла послѣдующихъ соборовъ; да и вообще конечно онъ рѣшилъ только вопросы, поднятые его временемъ, и не удивительно, что въ послѣдствіи, съ развитіемъ богословскихъ знаній, символъ Никейскій нужно было пополнить.

Но на чемъ-же однако проф. Лебедевъ основываетъ свои похвалы Халкидонскому собору? Какія особенныя, по его мнѣнію, заслуги оказалъ этотъ соборъ церкви? По словамъ его, многія. Прежде всего, полагаетъ онъ, лишь Халкидонскій соборъ съ полною опредѣленностію рѣшилъ вопросъ объ отношеніи разума къ изслѣдованію истинъ вѣры, изъ за котораго (вопроса) шелъ неумолкаемый дотолѣ споръ между александрійцами и антиохійцами,—рѣшилъ въ рѣчи оратора въ слѣдующемъ смыслѣ: по нуждамъ времени, для противодѣйствія ересямъ, должно раскрывать и разъяснять истинное ученіе въ новыхъ вѣроопредѣленіяхъ; предшествующіе соборы, а также и отцы церкви такъ и поступали; кто предлагаетъ остановить свободу желающимъ защищать вѣру, то пусть онъ это распоряженіе узаконитъ особенно для еретиковъ, чтобы они оставили неправду, а не пастыри—защищеніе; не запрещено выражать свои мысли, свое исповѣданіе подъ однимъ условіемъ: оно должно быть сообразно съ ученіемъ св. отцевъ (стр. 272—3). По поводу этого проф. Лебедевъ замѣчаетъ, что соборъ разрѣшилъ вопросъ объ отношеніи мысли человѣческой къ Откровенію, не только не устранивши правъ разума на разъясненіе догматовъ, но даже призвавши его къ подобной задачѣ. По нашему мнѣнію, такой взглядъ собора на отношеніе разума къ вѣрѣ не составляетъ особенной заслуги этого собора. Соборъ сказалъ объ этомъ предметѣ то, что уже давно было общецерковнымъ ученіемъ, что de facto существовало раньше собора. Это видно изъ той же самой рѣчи оратора. Онъ говоритъ, что такъ какъ нѣкоторыя мѣста въ символѣ Никейскомъ подвергались еретическимъ перетолкованіямъ; то явилась нужда раскрыть истинное ученіе въ новыхъ изложеніяхъ вѣры; символъ Никейскій сталъ недостаточенъ для противодѣйствія новымъ ересямъ—Маркелла, Фотина, македоніанъ,—и вотъ является символъ Константинопольскій. Послѣ явились новыя ереси, извращавшія другіе пункты Никейскаго символа \*), что служило для церкви побужденіемъ къ раскрытію и разъясненію истинъ вѣры чрезъ устное и письменное слово великихъ ея отцевъ. Такимъ образомъ Халкидонскій соборъ только констатировалъ и освятилъ своимъ авторитетомъ фактъ, имѣвшій широкое и давнее примѣненіе въ церкви. Да и могъ-ли этотъ фактъ не существовать? Разумно-ли

\*) Замѣтимъ, что ораторъ постоянно смотритъ на символъ Никейскій, какъ на что-то первостепенное, основное въ церковной вѣрѣ.

и даже мыслимо ли, напр., не позволять защищать вѣру, не позволять раскрывать догматы? Можно-ли было собору Халкидонскому отрицать законность не только разъясненій догматовъ, но даже и пополненій прежнихъ символовъ, когда эта законность уже была утверждена и освящена вторымъ Вселенскимъ соборомъ? Правда, упомянутый ораторъ въ началѣ рѣчи говдритъ, что были и есть люди, для которыхъ представляется дѣломъ незаконнымъ, непозволительнымъ терпѣть какія-либо изложенія вѣры помимо Никейскаго символа, и дальнѣйшими доводами онъ старается разрушить этотъ предразсудокъ. Но вѣдь подобные люди во время Халкидонскаго собора составляли въ церкви незначительное меньшинство, были не опасны, и Халкидонскій соборъ рѣчью оратора не предотвратилъ появленія подобныхъ людей въ церкви и въ послѣдующія времена. Люди, съ опасеніемъ взирающіе на всякую новинку въ Богословіи, есть и теперь и всегда будутъ. Конечно проф. Лебедевъ можетъ указать намъ на Діоскора и вообще на монофизитовъ, какъ на противниковъ права церкви дополнять Никейскій символъ. Но монофизиты, по нашему мнѣнію, стояли за мысль о неприкосновенности Никейскаго символа и о совершенной достаточности его для вѣры не по консерватизму, не потому, что они не допускали изслѣдованій разума въ дѣлахъ вѣры; а потому, что въ символѣ Никейскомъ не было ненавистныхъ для монофизитовъ словъ: *воплотившагося отъ Духа Св. и Маріи Дѣвы*, что хотя и въ немъ заключено антимонофизитское ученіе, но только скрыто, а не явно, какъ въ символѣ Константинопольскомъ. Изъ Дѣяній соборныхъ (3 т. 187 стр.) видно, что отцы собора упрекали монофизитовъ не за то, что они крѣпко держались Никейскаго символа, а за коварную цѣль, съ какой они это дѣлали. Именно, Діогенъ Кизическій сказалъ про Евтихіа: «онъ коварно поставилъ напередѣ соборъ Никейскій, чтобы избѣжать словъ: *воплотившагося отъ Духа Св. и Маріи Дѣвы*». Такимъ образомъ ясна причина приверженности монофизитовъ къ Никейскому символу. Проф. Лебедевъ держится иного мнѣнія, но напрасно онъ для подтвержденія его придаетъ словамъ одного изъ участниковъ собора и обличителя монофизитства, Евсевія Дорилейскаго такой смыслъ, какого они не заключаютъ. Дѣло вотъ въ чемъ. При чтеніи на соборѣ изъ Евтихіева исповѣданія вѣры словъ: *св. Кириллъ постановилъ опредѣленіе: **тѣхъ, кто вопреки этой вѣры** (Никейскому символу) **что либо прибавитъ, или измѣнитъ, или будетъ учить, подвер-***

гати наказаніямъ, Евсевій Дорилейскій воскликнулъ: «онъ (т. е., Евтихій) солгалъ, нѣтъ такого опредѣленія, нѣтъ правила повелѣвающаго это». Вслѣдъ затѣмъ профъ Лебедевъ говоритъ: «слова Евсевія заключаютъ въ себѣ ту мысль, что объясненія и истолкованія истинъ вѣры могутъ быть ограничиваемы, но не могутъ быть запрещены и отвергаемы» (271 стр.). Ниоткуда не видно, чтобы слова Евсевія, не встрѣтившія себѣ, какъ говоритъ профъ Лебедевъ, противодѣйствія въ отцахъ собора, заключали въ себѣ такой смыслъ. Буква словъ Евсевія показываетъ, что онъ просто только отрицалъ утверженіе Евтихія, будто приведенныя слова изъ его исповѣданія сказаны св. Кирилломъ. Что слова Евсевія имѣли именно такой смыслъ, это видно и изъ Дѣяній собора; именно, Діоскоръ на упомянутый возгласъ Евсевія заявилъ: вотъ кодексы, въ нихъ, т. е. заключаются слова Кирилла Александрійскаго; и противъ этихъ словъ Діоскора ни Евсевій, ни другой кто изъ участниковъ собора ничего не возразилъ.—Виноваты, что мы увлеклись частностію; обращаемся къ главному теченію нашихъ мыслей. По нашему мнѣнію не въ пятомъ, а въ четвертомъ вѣкѣ, не при Халкидонскомъ соборѣ, а въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ Вселенскими соборами въ церкви было много людей, которые возставали противъ всякихъ прибавленій къ символу Никейскому. Въ то время изъ противодѣйствія аріанамъ, которые составляли все новые и новые символы, и изъ опасенія, какъ бы аріанская зараза не вкралась въ православное ученіе,—въ то время къ такимъ, позволимъ выразиться, крайнимъ консерваторамъ принадлежали Василій Великій, Григорій Богословъ, Аѳанасій Александрійскій. Въ то время мнѣніе о томъ, что къ символу Никейскому не должно ничего прибавлять было даже общепринятымъ убѣжденіемъ. Ко времени втораго Вселенскаго собора аріанство стало упадать, возбужденныя имъ въ православныхъ опасенія стали ослабѣвать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и упомянутое мнѣніе начало терять свою силу; такъ что даже такой твердый въ своихъ убѣжденіяхъ и строгій въ мышленіи человекъ, какъ Василій Великій, сталъ склоняться къ мысли, что Никейскій символъ можно и должно дополнить сообразно съ потребностями времени. Второй Вселенскій соборъ своимъ авторитетомъ окончательно подорвалъ мнѣніе о совершенной достаточности для вѣры одного только символа Никейскаго, сдѣлавши весьма существенныя дополненія къ этому послѣднему и даже нѣсколько измѣнивши текстъ его, Правда, сдѣ-

дѣлалъ онъ это не безъ противодѣйствія, однако всетаки сдѣлалъ; и его дѣло было дѣломъ всей церкви, потому что онъ былъ соборъ Вселенскій, хотя и не столь многочисленный какъ соборъ Халкидонскій. Правда и то, что сначала символъ Константинопольскій не пользовался такимъ уваженіемъ и не былъ такъ распространенъ въ церкви, какъ символъ Никейскій. Но вспомнимъ, что и символъ Никейскій съ самаго начала охотно былъ принятъ почти-что въ одной только церкви Александрійской, тогда какъ на всемъ остальномъ Востокѣ его водворенію и распространенію оказывали сильное противодѣйствіе аріане и полуаріане. Такова уже судьба всѣхъ великихъ истинъ, что онѣ не сразу прививаются къ убѣжденіямъ людей и не вдругъ становятся общепризнанными положеніями. Притомъ, по нашему мнѣнію, символъ Константинопольскій долго не былъ распространенъ въ церкви не потому, что будто бы ему было оказано положительное противодѣйствіе въ нѣкоторыхъ церквахъ; а потому, что всѣ слишкомъ привыкли къ символу Никейскому и слишкомъ высоко ставили его авторитетъ, какъ символа несомнѣнно истиннаго. Символъ Никейскій уже потому было трудно замѣнить символомъ Константинопольскимъ, что онъ употреблялся при Богослуженіи. Все старое, все, къ чему привыкли, не скоро вытѣсняется новымъ. Прямого же протеста противъ символа Константинопольскаго со стороны православныхъ, по нашему убѣжденію, не было, а возставали противъ этого символа только еретики, напр., монофизиты, которые въ словахъ его находили явное опроверженіе своего ученія. Какъ-бы то ни было, одно несомнѣнно, что первый твердый и притомъ трудный по обстоятельствамъ времени шагъ въ рѣшеніи вопроса о правѣ церкви—раскрывать догматы и пополнять старыя вѣроопредѣленія новыми сдѣлалъ второй Вселенскій соборъ. Въ этомъ ему нужно отдать первенство предъ соборомъ Халкидонскимъ. Поэтому вмѣсто словъ: «шесть сотъ отцевъ собора Халкидонскаго на вѣки благословили богословскую науку и ея дѣло» (273 стр.), профессору Лебедеву справедливѣе было-бы сказать: сто пятьдесятъ отцевъ втораго Вселенскаго собора Константинопольскаго на вѣки благословили богословскую науку и ея дѣло.

Вторая важная, по мнѣнію профессора Лебедева, услуга, оказанная Халкидонскимъ соборомъ церкви, та, что этотъ соборъ отнесся съ великимъ уваженіемъ къ символу Константинопольскому и способствовалъ тому, что этотъ символъ скоро былъ при-

нять всю церковь. Не отрицая вполне этой заслуги, мы однако и в этом случаѣ не можем не упрекнуть автора книги въ преувеличеніи и въ происшедшей отсюда неправильной оцѣнкѣ фактовъ. Напр., на страницѣ 275 онъ исчисляетъ церкви и ихъ предстоятелей, которые приняли Халкидонское вѣроопредѣленіе, и выставляетъ это за доказательство того, что эти церкви приняли символъ Константинопольскій. Какъ будто Халкидонское вѣроопредѣленіе одно и то же, что и символъ Константинопольскій! По взгляду профессора Лебедева, на Халкидонскомъ соборѣ символу Константинопольскому отдавалось предпочтеніе предъ символомъ Никейскимъ. Но несправедливость этихъ словъ будетъ очевидна для всякаго, кто прочтаетъ дѣянія этого собора, или даже одну рѣчь собора къ императору Маркіану. Профессоръ Лебедевъ полагаетъ, что символъ Константинопольскій, которому будто-бы до Халкидонскаго собора оказывали противодѣйствіе во многихъ церквяхъ, со времени этого собора былъ принятъ во всѣхъ церквяхъ, и что такимъ быстрымъ распространеніемъ въ церкви этотъ символъ былъ обязанъ авторитету Халкидонскаго собора, на которомъ символъ Константинопольскій былъ читанъ наравнѣ съ символомъ Никейскимъ. Мы не отрицаемъ совсѣмъ того, что Халкидонскій соборъ своимъ авторитетомъ способствовалъ большому распространенію символа Константинопольскаго; но только значеніе собора въ этомъ отношеніи не настолько велико, чтобы о немъ слѣдовало распространяться. То правда, что символъ Константинопольскій до конца 5 вѣка не употреблялся въ богослужбной практикѣ,—и притомъ не только на Западѣ, гдѣ, по мнѣнію профессора Лебедева, онъ будто-бы совсѣмъ не былъ признанъ до Халкидонскаго собора; но и на Востокѣ, гдѣ онъ былъ принятъ вслѣдъ за вторымъ Вселенскимъ соборомъ. Вообще этотъ символъ входилъ въ употребленіе медленно и постепенно; потому что всѣ слишкомъ привыкли къ символу Никейскому и слишкомъ его уважали. Да и не было настоятельной необходимости замѣнить при богослуженіи символъ Никейскій Константинопольскимъ. Прямой же и рѣшительной оппозиціи этому символу Константинопольскому въ церкви не было; по крайней мѣрѣ профессоръ Лебедевъ не привелъ ни одного серьезнаго довода въ пользу поддерживаемаго имъ мнѣнія, что такая оппозиція существовала. Въ самомъ дѣлѣ нельзя-же считать достаточнымъ доказательствомъ цитуемая имъ на 143 стр. слова Гергенретера, что александрійцы

совѣмъ не хотѣли признавать второй Вселенскій соборъ. Напротивъ, уже одно то, что этотъ символъ приняли какъ ученіе истинное и православное, шестьсотъ отцовъ собора, собравшихся изъ самыхъ отдаленныхъ церквей Востока и Запада, ясно показываетъ, что еще ранѣе Халкидонскаго собора или по крайней мѣрѣ ко времени его символъ Константинопольскій былъ принятъ всею церковію. Правда на Халкидонскомъ соборѣ противъ этого символа высказались монофизиты; но они были еретики, переставшіе быть членами церкви и не принимавшіе символа Константинопольскаго именно по своему еретическому образу мыслей, и не потому, что они не считали этого символа ученіемъ Вселенскимъ. Далѣе, на стр. 276—7 профессоръ Лебедевъ приводитъ факты, которые будто-бы показываютъ, что символъ Константинопольскій распространился въ церкви именно послѣ Халкидонскаго собора и въ силу авторитета сего послѣдняго.

Но нѣкоторые изъ этихъ фактовъ не только не доказываютъ мысли его, но даже ее опровергаютъ. «Случалось, говорить онъ, что еретики монофизиты, которые сообразно съ ихъ принципами должны были быть врагами символа Константинопольскаго, также высказывались въ пользу этого символа. Таковъ былъ Петръ Сукноваль, монофизитствующій патріархъ въ Антиохіи... Нѣкоторые изъ ближайшихъ преемниковъ Маркіана, хотя даже и были монофизитами, однакожъ не отвергали символа Константинопольскаго, а подтверждали его церковный авторитетъ. Императоръ Василискъ въ одно и тоже время и отвергалъ Халкидонскій соборъ и признавалъ символъ Константинопольскій. Тоже встрѣчается въ такъ называемомъ энотиконѣ императора Зенона. Не смотря на непризнание Халкидонскаго собора, Зенонъ однако стоитъ за символъ Константинопольскій» (276—7). Прекрасно. Но эти факты именно и доказываютъ, что нельзя отождествлять Халкидонское вѣроопредѣленіе съ символомъ Константинопольскимъ, какъ дѣлаетъ это авторъ книги на 275 стр.; они то и убѣждаютъ насъ, что символъ Константинопольскій распространился не по авторитету Халкидонскаго собора, а болѣе самъ по себѣ. Въ противномъ случаѣ, какъ бы могъ принять этотъ символъ монофизитъ Петръ Сукноваль? Какимъ образомъ могъ бы императоръ Василискъ въ одно и тоже время отвергать Халкидонскій соборъ и признавать символъ Константинопольскій».

Третье преимущество Халкидонскаго собора проф. Лебедевъ на-

ходить въ томъ, что вѣроопредѣленіе Халкидонское пріобрѣло всеобщее уваженіе и было принято всѣми; такъ какъ оно будто бы помирило александрійцевъ и антиохійцевъ между собою. Что касается до насъ, то мы не находимъ въ этомъ никакого преимущества Халкидонскаго собора. Символь Никейскій пользовался въ церкви еще большимъ уваженіемъ, нежели Халкидонское вѣроопредѣленіе; почему же авторъ книги не возвеличилъ похвалами первый Вселенскій соборъ? Правда Никейскій символъ не былъ принятъ аріанами, но вѣдъ и Халкидонское вѣроопредѣленіе не признали монофизиты. Примиренія же антиохійцевъ съ александрійцами, состоявшагося на Халкидонскомъ соборѣ, нельзя считать полнымъ и окончательнымъ. Два направленія богословской мысли и послѣ Халкидонскаго собора не сблизились въ одно общецерковное теченіе. Иначе думаетъ проф. Лебедевъ; но противъ него на лицо факты. Вѣдъ и послѣ Халкидонскаго собора жили и волновали церковь многочисленные монофизиты, какъ выразители крайняго александрійскаго богословскаго направленія мысли, а затѣмъ—преемники ихъ моноелиты; послѣ еще болѣе многочисленные иконоборцы, имѣвшіе, по мысли проф. Лебедева (стр. 279) связь съ монофизитской ересью. Итакъ полнаго и окончательнаго примиренія александрійцевъ съ антиохійцами не было и послѣ Халкидонскаго собора.—Не полное же примиреніе двухъ направленій богословской мысли, александрійскаго и антиохійскаго, имѣло мѣсто еще во времена втораго Вселенскаго собора. Доказательства этого можно найти въ самой же книгѣ, изъ которой мы выпишемъ точныя слова. «Подъ какимъ вліяніемъ произошло составленіе символа Константинопольскаго, спрашиваетъ авторъ ея. Не задумываясь отвѣчаемъ: подъ вліяніемъ направленія антиохійскаго» (119 стр.). Значитъ на второмъ Вселенскомъ соборѣ не было полнаго согласія между антиохійцами и александрійцами: первые властвовали, а послѣдніе волей не волей подчинялись имъ; иные же изъ александрійцевъ, какъ напр. Григорій Богословъ, и совсѣмъ не подчинились имъ и разошлись съ ними. Такимъ образомъ полнаго примиренія между антиохійцами и александрійцами на второмъ Вселенскомъ соборѣ не было. Нѣчто подобное было и на Халкидонскомъ соборѣ; и здѣсь антиохійцы первенствовали; а александрійцы только послѣ колебаній и даже послѣ прямаго сопротивленія подчинились имъ, да и то не всѣ. Это ясно видно изъ содержанія всей 9-й главы и отчасти 10-й изъ которыхъ мы приведемъ только слѣдующія

слова. «Антіохійская школа» вообще кладетъ ясную печать своихъ доктринъ на всѣхъ дѣйствіяхъ собора Халкидонскаго (стр. 271); лѣвая сторона (православные), взявшая на соборѣ перевѣсъ, руководилась воззрѣніями, господствовавшими въ кругахъ антіохійскихъ въ особенности со временъ уніи,—это партія антіохійская по преимуществу (241 стр.). Значитъ, Халкидонскій соборъ дѣйствовалъ подъ преимущественнымъ вліяніемъ антіохійской школы, точь въ точь, какъ соборъ Константинопольскій. Далѣе, на основаніи нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ книги проф. Лебедева можно предполагать, что на второмъ Вселенскомъ соборѣ сближеніе между антіохійцами и александрійцами заходило, пожалуй, даже далѣе, нежели на соборѣ Халкидонскомъ. «Во всемъ символѣ Константинопольскомъ, говоритъ онъ, и въ особенности въ ученіи о Духѣ Св. ясно чувствуется отраженіе идей писателей александрійскаго направленія, какъ это мы и сами выше доказали, сопоставивъ ученіе о Духѣ Св. символа Константинопольскаго съ ученіемъ Аѳанасія, Василія и другихъ александрійскихъ богослововъ... Антіохійское направленіе во времена втораго Вселенскаго собора заключалось не въ разности догматическихъ воззрѣній его представителей по сравненію съ тѣми же воззрѣніями представителей александрійской стороны, но лишь въ разности духовныхъ склонностей. Догматика александрійцевъ и антіохійцевъ въ это время ничѣмъ существенно не отличалась одна отъ другой. Догматическія воззрѣнія у нихъ были совершенно одинаковы. Аѳанасій, Василій, въ ученіи богословскомъ были для антіохійцевъ такими же авторитетами, какъ и для всѣхъ приверженцевъ антіохійскаго направленія. Соборъ Константинопольскій несомнѣнно мыслилъ также, какъ Аѳанасій, Василій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій. Разницы ни было. Ученіе этихъ свѣтилъ церкви несомнѣнно легло въ основу опредѣленій символа Константинопольскаго» (120—122 стр.). И такъ во времена втораго Вселенскаго собора однѣ только «духовныя склонности» отличали антіохійцевъ отъ александрійцевъ. Полагаемъ, что и послѣ Халкидонскаго собора тѣ и другіе не больше сблизились между собой. Духовныя склонности суть нѣчто врожденное, почти не подверженное перемѣнамъ, если только мы не будемъ играть и злоупотреблять буквальнымъ смысломъ этихъ словъ. Духовныя склонности едва ли могъ сгладить и Халкидонскій соборъ, какъ бы ни былъ высокъ его авторитетъ, какъ бы ни было велико его вліяніе.—Въ заключеніе мы не можемъ не воздать

чести проф. Лебеву за остроуміе и изобрѣтательность, обнаруженныя имъ въ послѣдней главѣ его труда, похваляющей Халкидонскій соборъ; но не можемъ не назвать его похвалы искусственными.

Не касаясь другихъ, мелкихъ недостатковъ книги, которыхъ конечно бываетъ не мало во всякомъ произведеніи, мы въ концѣ концовъ пожелаемъ, вмѣстѣ съ любителями русской богословской науки, чтобы проф. Лебевъ и на будущее время продолжалъ обогащать эту науку своими трудами, столь же оригинальными, учеными, дѣльными, какова его докторская диссертація.

*А. Бьялевъ.*





**Издательство православной  
богословской литературы  
“АКСИОН ЭСТИН”  
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

**Посетите наш сайт в интернете по адресу:**

[www.axion.org.ru](http://www.axion.org.ru)

**На сайте:**

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: [info@axion.org.ru](mailto:info@axion.org.ru)**